

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Разработка серии А. Саукова
Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Ритуал последней брачной ночи / Виктория Платова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-699-98823-5

Хуже не придумаешь, чем проснуться в одной постели с трупом известного виолончелиста, в груди которого торчит нож! В такой ситуации оказывается Варвара, девушка для пикантных поручений. Многочисленные свидетели указывают на то, что именно она является убийцей. Загнанная в угол, Варвара пытается доказать свою невиновность и обнаруживает, что это убийство тянет за собой другие. Сделав столь неприятное открытие, она приходит к выводу о том, что исток сегодняшних смертей нужно искать в недалеком прошлом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98823-5

© Платова В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Автор

PRELUDIO ANDANTE

...Твою мать.

Теперь-то я точно знаю, где была, когда престарелый боженька раздавал мозги: в соседней очереди за французскими купальниками. После купальников я затарилась зимними сапогами и дубленкой с костяными пуговицами — штучная работа, ренессанс фурнитуры, якутские резчики по моржовому клыку могут отдыхать в своих ярангах до конца времен... Потом я съела бутерброд с семгой и вернулась к боженьке — за мозгами.

Но, как и следовало ожидать, мне их не хватило. Так же, как и нескольким другим страждущим с целым букетом различных диагнозов: синдром Ганзера¹, брадипсихия² и олигофрения в стадии дебильности...

Мой диагноз оказался самым тяжелым — иначе я, Варвара Сулейменова, не стояла бы сейчас здесь, в гостиничном VIP-номере, босиком, в одних бикини с кружевными цветочками, подозрительно смахивающими на увядшие гиацинты, — и... твою мать, с окровавленным ножом в руках.

* * *

А все начиналось совершенно безоблачно — в нашем со Стасом разухабистом стиле. Звонок по внутреннему телефону («загляни-ка ко мне на секунду,

¹ Синдром Ганзера — острая истерическая реакция.

² Брадипсихия — замедление психической деятельности.

лапуля»), дефиле по коридору, несколько тоненьких папок («для прикрытия») и поворот ключа в замке. После этого Стас поцеловал меня в щеку, а не в перекрестный прицел ключиц, как обычно, из чего я сразу же сделала вывод: предстоит работа.

— Предстоит работа, — промурлыкал Стас, с трудом отводя от меня похотливый взгляд.

— Кто? — пользуясь служебным положением, я устроилась на столе, больше смахивающем на плацдарм для сексуальных Ватерлоо: Стас и теперь, по прошествии стольких лет, не забывал о своем бурном мелко-сутенерском прошлом.

— Афиши видела? — Он сразу же ухватил быка за рога, матадор хренов. — По всему Невскому треплются.

Вчера, проезжая в легком подпитии по Сансет-бульвару местного разлива, я узрела лишь один транспарант — «Ансамбль песни и пляски «Жок», Республика Молдова» — и потому сразу же приуныла.

— Ты знаешь мои принципы, Стас. Я против групповухи, — веско сказала я и, помолчав, добавила: — Тем более с молдавскими пейзажами.

— Дура, — Стас покровительственно потрепал меня по коленке, затянутой в представительские секретутские колготки с лайкрой. — Таких жертв от тебя никто не требует. Олев Киви.

Олев Киви. Звучит ничуть не лучше, чем какой-нибудь Гуннар Куусик или Йыху Рэбане...

Непередаваемое, тягуче-бессмысленно-эстонское сочетание букв.

Я поморщилась, как от зубной боли. Впрочем, так оно и было: Эстония, мой непроходящий кариес, он же герпес, сифилис и далее по списку плюс бельмо на глазу. Ничем не примечательное детство на улице Паэ, ничем не примечательная юность на улице Вэнэ. Потом был респектабельный мини-бордель в Иэсмьяе, удачно мимикрировавший под клуб любителей

6 гольфа. Нужно признать, что они неплохо загоняли

шары в лунки, все эти залетные торгаши цветным ломом, истребителями и лесом из Игарки. Там мы и познакомились со Стасом, там же, недалеко от Иэсмьяе, в Таллинском зоопарке, мой младший брат Димас до сих пор выгребал дерьмо за обезьянами. В прошлом году он должен был получить повышение и перейти на уборку слоновьего дерьма, но в этом, более престижном и высокооплачиваемом месте ему отказали — по причине очередной несдачи экзамена по эстонскому языку.

Будь проклята дискриминация. Будь проклят апартеид. В Эстонской Республике даже отходы жизнедеятельности слонов падают на землю с неподражаемым акцентом...

И вот теперь, пожалуйста, Олев Киви.

Тэрэ-тэрэ, вана кэрэ!¹

— Не пойдет. — Я сняла руку Стаса со своего колена. — Ты же знаешь мои принципы...

— Заткни их себе в задницу, — вяло парировал Стас. — Олев Киви — знаменитость, будет в Питере через неделю с гастрольным туром. И он мне нужен.

Из всех эстонских знаменитостей я знала только Анне Раамат, звезду любительского порно, и потому сочла за лучшее уточнить:

— Чем же он так знаменит, этот твой Киви? Долбится на ударных в группе «Роллинг стоунз»? Или у Джорджа Майкла, не дай-то господи, на подтанцовках?

— Он виолончелист. — Стас снова начал гладить мою коленку. — Представляешь себе, что такое виолончель?

— Смутно.

— Скрипка, только побольше.

— Скрипка, только побольше, — это контрабас, — резонно заметила я. — Но раз уж пошла такая пьянка и ты без этого виртуоза жить не можешь, то лучше тебе обратиться к Кайе.

¹ Здравствуй-здравствуй, старый козел! (эст.).

Кайе, наша общая подружка из сжигаемого порочными страстями приморского городишки Пярну, вот уже почти год обиталась в Питере и к тому же в свое время закончила музыкальную школу по классу цимбал.

— Непроходной вариант, — Стас презрительно вытянул нижнюю губу. — Эта дрянь ни с того ни с сего вздумала забеременеть. И потом, ты вспомни, какая у нее рожа — голая цыганщина, только бубна не хватает.

— А я?

— А ты — в самый раз. Полет валькирий, так что не нарывайся на комплименты.

Если я и была валькирией, то явно уставшей от полета; недавно мне стукнуло двадцать шесть — из них последние семь на боевом посту у мужских гульфиков с несколькими краткосрочными отпусками: в Грецию, Турцию и в населенный пункт Пестравка Самарской губернии.

— Может быть, ты отпустишь меня на пенсию, Стасик? — безнадежным голосом спросила я.

— Конечно, отпущу, — в очередной раз клятвенно соврал он и прижался лбом к моим коленям. — И даже сделаю тебя старшим менеджером. Но сначала — Олев Киви. Олев Киви — и все. Баста. Какую. Финита ля.

— Ну, хорошо, — я сдалась, как сдавалась всегда. — Что я должна делать?

Дурацкий вопрос. То же, что обычно делают эскорт-девицы: милая болтовня за ужином, поглаживание лодыжек под столом, легкий петтинг в машине, глубокий французский поцелуй в лифте между этажами... Следующие за этим вариации зависят от степени алкогольного опьянения и сексуальной извращенности клиента.

Стас вынул из кармана пачку баксов и небрежно швырнул ее мне.

— Для начала займешься гардеробом.

Это прозвучало как оскорбление: что-что, а тряпки у меня всегда были в порядке. Лучшее, любимое и

8 только для вас. Хотя...

— Нужно что-нибудь особенное? — Я оценивающе подбрехала в руке Стасово денежное вливание: его вполне хватило бы не только на роскошный пенюар, но и на дрянное платьишко от убиенного Версаче, которое я присмотрела себе в бутике на Литейном. — Экстравагантное, пикантное, возбуждающее поникшие чресла?..

Стас ничего не ответил и принялся рыться в ящике стола.

— Ничего, что я не знаю, сколько струн на виолончели? — снова напомнила о себе я.

— Прочтешь в «Музыкальном словаре», — отрезал Стас и бросил на стол фотокарточку. — А пока взгляни на это.

Интересно, с каких это пор Стас держит в своем стойле ничем не примечательных шатенок?

А она была ничем не примечательна, эта шатенка с фотографии, — одинокая роза в руках, неухоженные волосы, небрежный «паж» а-ля Мирей Матье, брови вразлет, глаза вразлет и губы без всякой помадной узды — слишком темные для шатенки.

Да, слово «слишком» подходило ей.

Она была *слишком непритязательна*.

— Это еще что за стахановка?

— О мертвых либо хорошо, либо ничего, — снова осадил меня Стас.

— Это еще что за почившая стахановка? — дисциплинированно поправила я.

— Это жена Олева Киви. Погибла в прошлом году при сомнительных обстоятельствах. Но это дело десятое. Главное в другом — у тебя ровно неделя, чтобы стать хоть немного похожей на нее.

Я еще раз — теперь уже оценивающе — посмотрела на темные, как эстонская хуторская грязь, губы мертвой Кивихи, а потом перевела взгляд на денежки.

— Маловато будет, голубчик Стас. Надо бы тыщонку накинуть... И потом, для того, чтобы довести

себя до такого скотского состояния, недели явно недостаточно.

— Насчет «накинуть»... Мы с тобой не на рынке, голубка Варенька. Так что исходи из имеющейся суммы. Фотографию оставляю тебе для более полного вхождения в образ.

— Как звали... м-м.. покойную?

— Зачем это тебе? — удивился Стас.

— Ну... Ты же сам сказал — вхождение в образ. Я могу назваться ее именем и...

— Это перебор. А интеллектуалы не любят излишнего педалирования.

— Господи, ну ты-то какое отношение имеешь к интеллектуалам? — Я даже не запнулась на последнем слове, с чем себя мысленно и поздравила.

— Олев Киви! — Стас поднял палец. — У тебя ровно неделя. Готовься. В пятницу проинспектирую лично.

Я взяла под козырек, попятилась к двери и приоткрыла ее задом.

Есть о чем задуматься, но сначала — дрянное платьишко от Версаче в бутике на Литейном. Я это заслужила.

...Вернувшись в офис с итальянским трофеем под мышкой, я провела весь остаток псевдорабочего дня в тягостных размышлениях. Во-первых, на этой неделе придется отказаться от услуг массажистки Ленусика (в среду) и маникюрши Светика (в четверг), пропустить солярий, тренажерный зал и два занятия шейпингом. Во-вторых, (о, куррат!¹) задвинуть до лучших времен скраб, гель и два экспериментальных крема от морщин. А водостойкая тушь, а новехонькие тени, а дивного оттенка английская пудра...

Куррат-куррат-куррат! Будьте прокляты, интеллектуалы от виолончели и вы, их покойные неряшливые музы!..

Я перевернула фотографию, врученную мне Стасом: «Алла. Кронштадт. Мартовские тени». И дата, на которую я даже не обратила внимания.

Интересно, что такое «мартовские тени» — название респектабельного мини-борделя или поэтические экзерсисы виолончелиста?..

В любом случае мне удалось выудить из красноглазо-любительской Аллы еще кое-что, кроме внешней непрезентабельности: она была русской (Олев Киви, Олев Киви, куда же смотрела твоя добропорядочная эстонская семья?!) и в свободное от муженька время шастала в Кронштадт. Но почему Стас так настаивает на моем уподоблении покойной? Мне, конечно, плевать на приметы, но все же, все же...

Я выкатилась из офиса ровно в пять, оседлала свою дышащую на ладан «шестерку» и на каждом красном светофоре думала о Стасе и его экстравагантном поручении. Нет, на Стаса грешно обижаться. Ведь именно он — Стас, Стасик, Станислав Дремов — вытащил меня из погрязшего в копеечном национализме Таллина, отмыл, отскреб, приодел и устроил работать по специальности. А месяц назад даже прикупил мне однокомнатную халупу в спальном районе. За выслугу лет и высокие показатели в работе.

И вот уже четыре питерских года я при мужчинах, как кухарка при котлах.

Вот только ему, главе продюсерской фирмы, которая заделывает концерты вышедшим в тираж зарубежным исполнителям в замшелом жанре рок-н-ролл, — ему-то зачем непуганый виолончелист?

Это же совсем другое направление в исполнительском искусстве...

...В понедельник я узнала, сколько струн у виолончели — их, к моему удивлению, оказалось четыре. Не густо, но по сравнению с балалайкой прогресс очевиден.

А во вторник отправилась к Наденьке, в парикмахерский салон «Олеся».

Мой внеплановый приход поразил Наденьку в самое сердце, а просьба соорудить из волос, которые я пестовала два года, куцый ретро-«паж» добила ее окончательно.

— Ты офигела, подруга, — промямлила она. — Портить такую гриву... У меня рука не поднимется.

Я призывно помахала перед носом Наденьки светло-зеленой полусотенной бумажкой и кротко сказала:

— Прости мне этот каприз.

Еще пять минут ушло на то, чтобы вспомнить раритетную стрижку. И Наденька хищно щелкнула ножницами возле моего уха.

— По-моему, он извращенец, — ленивая парадоксальность была отличительной чертой моей любимой парикмахерши.

— Кто?

— Тот хрен, который заставляет тебя расстаться с волосами.

Я вздохнула. И была полностью солидарна с ней. Вот только извращенец был не один, а целое гнездо: пиликающих на виолончели, отбрасывающих мартовские тени и сующих мне в зубы пачку долларов, — чтобы превращение из красавицы в чудовище прошло по наиболее благоприятному сценарию.

...Спустя полчаса стрижка была готова. Но к своему новому имиджу я отнеслась более чем критически — и только потому, что привыкла неукоснительно следовать всем указаниям Стаса.

— Не пойдет, — вынесла вердикт я.

— В смысле? — Наденька пошла красными пятнами: она была мастером экстра-класса и последнее в своей жизни замечание получала, должно быть, еще в школе, за прогул урока физкультуры.

— Чересчур роскошно.

— Точно — офигела, — еще больше утвердилась в своих подозрениях Наденька. — Что значит «чересчур роскошно»?

— То и значит. Эта стрижка... — Я пощелкала пальцами, подбирая выражение. — Эта стрижка должна быть более небрежной. Ну, как будто я стриглась не у тебя, а в каком-нибудь районном Доме быта. Причем бесплатно. Задача ясна?

Дружочек Наденька дулась ровно две минуты, а потом снова взялась за ножницы.

— Ты сумасшедшая, Варька, — причитала она, понаитию выхватывая целые космы из моей многострадальной головы. — А если учесть, что я никогда не работала в районном Доме быта...

Вторая попытка оказалась более удачной, и я почти приблизилась к фотографическому идеалу жены Олева Киви.

— Отвратительно, — Наденька шмыгнула носом, а я удовлетворенно улыбнулась.

— Замечательно. Теперь осталось покраситься. Я должна выйти от тебя затрапезной шатенкой с блеклыми волосами. Плачу двойную таксу, так что включай воображение...

...Салон «Олеся» я покинула по всем правилам конспирации: солнцезащитные очки в полморды и предусмотрительно захваченный платок на голове. Видел бы меня Лешик Богомол, мой последний дыхатель и самый щедрый клиент из всех, кого навязывал мне Стас.

Просто счастье, что Лешик сейчас кукует в Крестах и в обозримом будущем вряд ли получит увольнительную на берег!

Теперь оставался только прикид: нелепое кроваво-красное платье с короткими рукавами и чересчур бросающимися в глаза выточками. Похоже, при жизни оно сильно жало покойнице в груди.

Никаких аналогов Аллочкиному фотографическому безобразию в моем гардеробе не было, секунд-хенды тоже безмолвствовали, и весь остаток недели я посвятила портнихам. Это стоило мне нескольких се-

дых волос, но к пятнице я уже имела на руках красную дерюгу.

На Стаса дерюга произвела неизгладимое впечатление. Так же, как и постылый «паж», к которому я так и не смогла привыкнуть.

— Замечательно, — он забежал по кабинету, потирая руки. — Замечательно, голубка Варенька. Я даже не предполагал... Профессионально растешь, придется со следующего квартала повысить тебе жалованье.

— Откуда ты знаешь, что я профессионально расту? — удивилась я. — По-моему, мы с тобой не спали.

— Слухами земля полнится, — осклабился Стас. — А теперь поговорим о деле.

Я раскрыла блокнот и приготовилась писать.

— Он прилетает завтра из Вены.

— Рейс?

— Никаких рейсов.

— Я не должна встречать его в аэропорту?

— Ни боже мой!

Обычный расклад летит к черту, любопытно.

— Подожди, я не поняла... Разве не ты заделываешь ему гастроли?

Стас подошел ко мне и легонько постучал пальцами по моей восхитительно невостребованной лобной кости.

— Да меня к нему и на пушечный выстрел не подпустят, соображать надо. Это же совершенно другой уровень.

— Тогда какого черта...

Вот он, нож в спину, самое неприкрытое предательство; стоило ли из-за сиюминутной прихоти патрона так себя уродовать? Я вспомнила свое утреннее отражение в зеркале прихожей и заплакала.

Стас утер мне нос рукавом.

— Не реви и слушай внимательно. Это — не обычный... эскорт. Это моя личная просьба.

14 — Это авантюра.

— Оставь свои резюме для кожно-венерологического диспансера. И дай мне договорить, черт возьми!.. У него будет пресс-конференция в аэропорту, потом еще одна, а вечером — сольный концерт в Большом зале филармонии. Вот билет, — Стас протянул мне билет. — Сходи, вдохновись.

Филармония, бр-р. Одно только это слово действует на меня как снотворное.

— Учти, Стас, я иногда всхрапываю, так что старухам — любительницам Чайковского-и-иже-с-ним, это может не понравиться.

Но Стасу было наплевать на мои сомнения.

— Киви остановится в гостевом особняке на Крестовском, ты должна о нем знать.

Еще бы, трехэтажная VIP-гостиница в немецком стиле.

— И я должна стоять у ее ворот с хлебом-солью? Тогда придется прикупить еще и кокошник, голубчик Стас.

— Ты должна будешь провести с ним ночь в этой гостинице.

— А он в курсе? — поинтересовалась я.

— Пока еще нет. — Положительно, Стас отличался библейским терпением и такой же библейской верой в чудо. — Но ты сделаешь все, чтобы прыгнуть к нему в постель.

С моей нынешней экипировкой шансы на койко-место в номере знаменитого виолончелиста практически равны нулю. Я попыталась донести этот тезис до воспаленного сознания Стаса, но он и слушать меня не стал.

— Вечером он ужинает в «Европе», тебе уже заказан столик. Веди себя не вызывающе, никаких призывных взглядов. И если он к тебе приклеится, лучше промолчи лишний раз. Еще сморозишь какую-нибудь глупость, я тебя знаю. Ноги без нужды не раздвигай и губ не облизывай. Веди себя с достоинством. И вообще...

Старайся соответствовать.